

В глубине его глубоких глаз читались спокойствие и прямота. Линь Ци сжал в руке ветку, думая о том, что если он продолжит избегать правды, то неизвестно, к чему всё приведет. Собравшись с духом, он выпалил:

— Ду Чэнъин, хватит меня обманывать.

Его слова прозвучали весомо. Даже сидевший неподалеку Водный цилинь выпрямился, его драконья морда расслабилась, а в бирюзовых глазах вспыхнул переменчивый свет. Прежняя глуповатая и милая маска исчезла, и духовный зверь начал медленно источать истинную мощь.

Ду Чэнъин бросил на него холодный взгляд, и Водный цилинь тут же съежился.

— Я обманываю тебя? — медленно произнес Ду Чэнъин. — И в чем же именно?

Ладони Линь Ци дрожали. Ду Чэнъин был спокоен, его лицо — бледным как полотно, а раны на теле продолжали кровоточить. Линь Ци пересилил себя, крепче сжал ветку и, чеканя каждое слово, произнес:

— Тот, кто напал на нас, был истинным мастером Баошу.

Лицо Ду Чэнъина стало еще блее, на губах появилась едва заметная горькая усмешка, а голос прозвучал слабо:

— Только из-за этого? Младший брат, ты вот так меня допрашиваешь?

Линь Ци был ошарашен реакцией Ду Чэнъина — он ожидал, что тот придет в замешательство.

— Истинный мастер Баошу всегда питал ко мне отвращение, — Ду Чэнъин отвернулся, словно не в силах выносить эту боль, и его голос стал еще глуше. — Он — высокомерный мастер, и если он ранил меня, мне нечего сказать в ответ. Но я не хотел, чтобы ты разочаровался в своей школе, не хотел, чтобы ты вступал с ним в конфликт, защищая меня, и в итоге пострадал сам. — Ду Чэнъин с мукой посмотрел на Линь Ци. — Не думал, что ты... будешь винить меня.

Линь Ци промолчал.

— Значит, в твоих глазах я всего лишь лжец. — Ду Чэнъин тихо кашлянул, прижал руку к груди и, пошатываясь, поднялся. — Тогда я уйду.

— Старший брат! — Линь Ци поспешно вскочил и схватил его за рукав. — Ты так тяжело ранен, если по пути случится беда... Садись немедленно!

Ду Чэнъин с мрачным видом медленно покачал головой:

— Я обманул тебя, так что если и попаду в беду, то поделом мне.

Линь Ци стиснул зубы:

— Я был неправ.

Ду Чэнъин на мгновение опустил взгляд:

— Не нужно так, младший брат. Что бы ты обо мне ни думал, что бы ни говорил, я не стану тебя винить.

Линь Ци молчал. Боже, он чувствовал себя таким виноватым!

\*\*\*

Словно желая развеять сомнения Линь Ци, Ду Чэнъин отбросил прежнюю небрежность и, несмотря на раны, поспешил в сторону Хуаюаня. Линь Ци, конечно, не мог этого допустить и заставил его остановиться, чтобы подлечиться.

— Хуаюань — твой дом, младший брат. Мои раны — сущая мелочь. — Ду Чэнъин уже сменил магическое одеяние, скрыв раны, но не смог скрыть охватившую его усталость и бледность.

Практики культивации тоже люди. Неважно, был ли Ду Чэнъин добрым или злым, его раны были настоящими. Как Линь Ци мог позволить ему так изнурять себя? Он, естественно, замедлил шаг.

— Старший брат, как ты можешь называть такие тяжелые раны мелочью? Если твое состояние ухудшится, как я смогу жить с этим грузом на душе?

Ду Чэнъин с белым лицом стоял перед ним. Лишившись резкости, свойственной ему в здоровом состоянии, он казался чистым и прекрасным, словно статуя из нефрита.

— Пустяки, — он поднял глаза, и густые ресницы подчеркнули глубину его взгляда. — Тебе не нужно передо мной извиняться.

Чем больше он так говорил, тем сильнее Линь Ци терзался чувством вины. Поддерживая его за локоть, он опустил голову и тихо вздохнул:

— Старший брат, просто послушай меня.

Ду Чэнъин стоял прямо, не опираясь на Линь Ци. Опустив веки, он смотрел на бледное лицо младшего брата. Линь Ци в последние дни плохо спал и почти ничего не ел, и его лицо, которое с таким трудом удалось немного округлить, снова осунулось. У Ду Чэнъина что-то дрогнуло в душе, и голос его смягчился:

— Хорошо.

Ситуация на горе Юэлу оказалась даже хуже, чем предполагал Линь Ци. Он привел Ду Чэнъина к дому охотника, надеясь попроситься на ночлег, но обнаружил, что ворота настежь открыты, а на пороге лежит иссохший труп — очевидно, жертва демонического практика.

Ду Чэнъин в тот же миг прижал лицо Линь Ци к своей груди:

— Не смотри.

— Я уже увидел... — глухо отозвался Линь Ци. Он был не настолько хрупок.

В прошлой жизни он относился к этому миру как сторонний наблюдатель. Видя такие трупы, он обычно думал: Ах, этот NPC выглядит как-то неестественно, — и никогда не испытывал страха. Сейчас он тоже не боялся, лишь чувствовал легкую печаль.

Там, где главный герой не видел, этот NPC, возможно, когда-то жил счастливо. Жаль, что в этой истории он оказался лишь фоновой декорацией, да еще и в таком виде.

Линь Ци отстранился от Ду Чэнъина, его взгляд задержался на трупе, и он тихо произнес:

— Я похороню его.

— Не надо, — Ду Чэнъин нахмурился и удержал его за руку. Линь Ци обернулся, в его взгляде читалось явное неодобрение. Ду Чэнъин добавил сухо: — Я сам.

Линь Ци вздрогнул, его глаза медленно расширились. Нельзя было отрицать, что после подсказок Системы образ Ду Чэнъина в его сознании стал более холодным. Он не проявлял никакого интереса к своим собратьям-практикам, и Линь Ци не ожидал, что тот захочет похоронить простого смертного.

Неужели он хоть немного изменился?

Линь Ци с надеждой спросил об этом Систему, но, получив безжалостный и привычный ответ, что показатель очернения составляет сто процентов, снова сник.

— В этом доме, похоже, давно никто не живет, — Ду Чэнъин толкнул ворота, оглядел обстановку, заметил на стене черные тени, похожие на следы гари, и, отведя взгляд, сказал Линь Ци: — Младший брат, посиди пока, я похороню его, а потом приберусь.

Линь Ци поспешно предложил:

— Давай я приберусь.

— Не спеши, — Ду Чэнъин слегка нахмурился, его тон был решительным. — Просто сиди там,

где я тебя вижу.

Линь Ци редко видел Ду Чэнъина таким властным. Он не стал спорить, вспомнив о своей роли младшего брата, и послушно присел на низкую табуретку.

Рядом с ней лежали два тесака, а под ними — груды дров и несколько не самых чистых звериных шкур. Линь Ци мог представить, как хозяин дома сидел здесь, рубил дрова и разделывал добычу, вытирая пот со лба. А теперь этот человек, так старательно живший, стал иссохшим трупом.

Водный цилиндр выпустил острые когти и одним движением вырыл глубокую яму. Ду Чэнъин безразлично поднял труп, повернулся спиной к Линь Ци, чтобы тот не видел его холодного взгляда, и небрежно, словно мусор, бросил тело в яму.

Цилиндр засыпал всё землей, и простая могила была готова.

Ду Чэнъин отряхнул руки и повернулся. Увидев, как послушно сидит Линь Ци, он смягчился:

— Заходи.

Охотник жил один, и убранство дома прямо говорило об этом: узкая бамбуковая кушетка, забитая в угол, множество вяленого мяса и гладких шкур, развешанных по стенам. В доме царил беспорядок, словно вещи бросали там, где придется, а на столе лежал тонкий слой пыли.

Линь Ци провел пальцем по краю стола и тихо пробормотал:

— Когда я только поднялся в горы, чтобы стать учеником, всё было иначе.

— Мир изменчив, — Ду Чэнъин был спокоен. Он достал из рукава мягкий платок, сложил печать, и платок, словно ожив, взлетел на стол и принялся быстро протирать поверхность. Сначала он начисто вытер табурет, Ду Чэнъин усадил Линь Ци и начал внимательно его разглядывать. Линь Ци смутился и опустил голову.

— Похудел, — тихо сказал Ду Чэнъин.

Линь Ци промолчал.

В доме стояла абсолютная тишина, даже ветра не было слышно — только их дыхание.

Ду Чэнъин медленно произнес:

— Младший брат, на самом деле... тебе не кажется, что такая жизнь прекрасна?

Линь Ци поднял голову и неожиданно увидел в глазах Ду Чэнъина искренность.

— Такая жизнь?

Ду Чэнъин смотрел на него сосредоточенно. Его взгляд всегда был мягким, как вода, но сейчас в этой воде плескалась странная, горячая искра.

— Жить, как этот охотник: с восходом солнца вставать, с закатом — ложиться. Простая жизнь.

Линь Ци, разрушая романтику момента, заметил:

— А потом быть высосанным досуха демоническим практиком?

Ду Чэнъин сжал его руку, твердо произнеся:

— Я не позволю никому причинить тебе вред.

Его ладонь крепко обхватила руку Линь Ци. В каждом движении, в каждом слове мужчины сквозила невысказанная, но глубокая ценность.

Линь Ци, не выдержав этого, вырвал руку. Он не приложил много сил, и как только Ду Чэнъин почувствовал его намерение, он сразу отпустил.

Линь Ци резко встал, табурет с грохотом ударился об пол.

— Я устал.

Дом был невелик, Линь Ци не знал, куда деться. Водный цилиндр подошел и сел, и Линь Ци тут же уткнулся в его пушистую шерсть, притворяясь мертвым.

Ду Чэнъин долго сидел неподвижно. Платок продолжал усердно протирать пол у его ног, добравшись до самых сапог, но был придавлен носком ботинка. Платок отчаянно затрепыхался, пытаясь вырваться, и лишь когда хозяин сапога с силой наступил на него, а затем убрал ногу, ткань наконец смогла отлететь в сторону.

Снаружи не было ни ветра, ни звука. Тишина стояла пугающая.

Ду Чэнъин величественно поднялся и закрыл дверь. Убедившись, что Линь Ци уснул в объятиях цилиндра, он бросил взгляд на стену.

Черная тень на стене дрогнула, медленно отделилась и превратилась в смутный человеческий силуэт. Он опустился на одно колено:

— Приветствую Владыку демонов.

В тот момент, когда Ду Чэнъин переродился, гадания на горе Юэлу перевернулись, а демоническая энергия в мире резко возросла. Все демонические практики в тот миг поняли: их господин вернулся.

Ду Чэнъин холодно посмотрел на тень:

— Убирайся.

— Господин, — тень задрожала, не желая уходить. — Прошу вас, вернитесь в Царство демонов.

Ду Чэнъин остался равнодушен.

Тень прошептала:

— Мы, демонические практики, столько лет терпели притеснения от этих праведных сект. Господин, разве вы не ненавидите их? Царство демонов ждало своего правителя. Тот, кто напал на человека в доме, был просто слеп...

Рука Ду Чэнъина мгновенно сомкнулась на горле тени. В его глазах застыл лед. Усиливая хватку, он спокойно произнес:

— Вы не достойны даже упоминать его.

Тень рассеялась у него в руке, а из рукава выпорхнула духовная бабочка, которая, словно птица, начала клевать остатки демонической энергии.

Путь праведников и путь демонов — для Ду Чэнъина не было никакой разницы.

Закон джунглей: сильный ест слабого, всё одно и то же. Люди едят скот, почему демонические практики не могут есть людей? Разницы нет.

Они считали, что он один из них, и преследовали его по пятам — точно так же, как Баошу, который в своем упрямстве хотел сделать из него спасителя мира. Как же это раздражало.

Ду Чэнъин слегка тряхнул рукавом, взмахнул рукой, превращая демоническую энергию в клинок, и с силой вонзил его в свою рану. Рана заживала слишком быстро. Избранник небес — какая ирония. Ду Чэнъин поднял голову, глядя на темное небо, и невольно усмехнулся: Путь Небес, ты выбрал меня, но я не уверен, что стану тебе повиноваться.

Линь Ци не знал, был ли он слишком утомлен, но, уснув в объятиях циляня, проснулся уже на бамбуковой кушетке, укрытый тонким одеянием. Сев, он увидел в центре комнаты слабый свет: Ду Чэнъин менял себе повязки.

Верхняя одежда была сброшена, обнажая крепкие плечи и четко очерченные мышцы. Вокруг

тела вилась черная демоническая энергия, из ран сочилась кровь. Одно лишь зрелище вызывало у Линь Ци неопишущую боль, а Ду Чэнъин, не дрогнув, срывал бинты с ран.

— Аккуратнее! — не сдержавшись, крикнул Линь Ци.

Ду Чэнъин обернулся и слегка улыбнулся:

— Проснулся?

Линь Ци встал с кровати, подошел к столу и перехватил бинты из рук Ду Чэнъина. Он только что проснулся, и голос его был хриплым и мягким:

— Если нужно сменить повязку, почему не позвал меня?

— Боялся напугать тебя, — тихо ответил Ду Чэнъин.

Линь Ци возразил:

— Я не так легко пугаюсь.

Ду Чэнъин поджал губы, снова улыбнулся, и его взгляд медленно переместился со лба Линь Ци на щеки. Он коснулся тыльной стороной ладони его лица. Линь Ци вздрогнул, но не отстранился.

— Что ты делаешь?

— На лице... — в голосе Ду Чэнъина послышалась усмешка. — Отпечаток от сна остался.

Линь Ци поднял глаза. После стольких двусмысленных знаков внимания со стороны Ду Чэнъина он наконец набрался смелости и парировал:

— Даже если ты потрогаешь, след не исчезнет.

Ду Чэнъин замер. Линь Ци, сказав это, смутился, но, видя, как редко Ду Чэнъин бывает ошарашен, невозмутимо опустил голову и продолжил обрабатывать раны.

Как главный герой маленького мира, Ду Чэнъин обладал первоклассным телосложением. Даже будучи тяжело раненным, он источал мощную мужскую энергию, а его раненое тело обладало какой-то пугающей, кровавой притягательностью. Линь Ци подумал: куда подевался гарем из мужского романа? Почему здесь нет ни одной девушки? Иначе стал бы Ду Чэнъин так цепляться к нему?

Ду Чэнъин, казалось, был ошеломлен внезапной «раскованностью» Линь Ци и молчал до самого конца перевязки.

Линь Ци свернул окровавленное одеяние и старые бинты, нахмурился и пробормотал себе под нос:

— Как вообще заживают раны от демонических практиков? Может, просто вернемся?

Ду Чэнъин, до этого хранивший молчание, внезапно сказал:

— Ты потрогай.

Линь Ци поднял глаза и встретился с улыбающимися глазами Ду Чэнъина.

— Может, рана и заживет.

— Ду Чэнъин, — лицо Линь Ци покраснело, но голос остался твердым, он крепко сжал ткань в руках. — Не говори так.

Ду Чэнъин смягчил голос, его взгляд был полон нежности:

— Как говорить? Что я люблю тебя?

У Линь Ци чуть уши не задымились. Он решил идти до конца:

— Я уже говорил: не люби меня, я тоже не буду любить тебя.

Услышав это, Ду Чэнъин не выказал ни грусти, ни гнева. В глубине души он был даже рад: это был первый раз, когда Линь Ци сказал об этом прямо, без обиняков и намеков.

Ду Чэнъин поднял руку и под пристальным взглядом Линь Ци мягко прижал ладонь к его щеке. Линь Ци не увернулся, он смотрел Ду Чэнъину прямо в глаза. Несмотря на то, что его руки и ноги дрожали, он больше не хотел бежать. Между ними ничего не могло быть, и он должен был дать Ду Чэнъину ясно это понять, чтобы отбросить все эти запутанные чувства и снова стать решительным исполнителем заданий.

— Линь Ци, — Ду Чэнъин слегка улыбнулся, и в его нежном взгляде блеснул свет. — Возможно, ты не понимаешь: мне никогда не нужен был твой ответ. Я просто хочу, чтобы ты... хорошо жил. Позволь мне остаться рядом с тобой, неважно в каком качестве. Даже без любви, просто как братья — этого достаточно.

— А если... — Линь Ци с силой сжал бинты, засохшая кровь отслоилась и испачкала его пальцы. Он стиснул зубы, подавляя себя, и жестоко произнес: — А если я не хочу, чтобы ты был рядом?

Ду Чэнъин пошевелил ладонью, мягко погладив Линь Ци по щеке. Это было такое простое и чистое лицо. Он закрыл глаза, но всё равно видел этот образ, выжженный в его душе. Снова открыв глаза, Ду Чэнъин, в которых, казалось, гас свет, горько усмехнулся:

— Ты так сильно меня ненавидишь?

<http://bllate.org/book/22177/2310700>